

О. Н. Литвинова**Эволюция партизанской этики в годы Великой Отечественной войны
(по материалам Брянщины)**

В статье на основании архивных источников анализируется эволюция этики в партизанских отрядах Брянского края во время Великой Отечественной войны. В условиях военного времени традиционные моральные ценности приобрели иное значение. Партизанская этика была подчинена задаче выживания на оккупированных территориях, что позволяло нарушать некоторые моральные принципы. Это было связано с тем, что люди оказались в экстремальных условиях: советская власть, к которой они привыкли, фактически перестала существовать. Поэтому партизаны не принимали кодекс поведения советского человека, навязываемый центральным руководством партизанского движения, и имели свои представления о советском образе жизни. Они хотели больше свободы как в общественных, так и в личных отношениях. Это меняло представления о трусости и предательстве, о добре и зле, о браке и семье и других моральных категориях. Но, несмотря на вызванное войной ожесточение, партизаны сохраняли определенные моральные устои, такие как милосердие и сострадание, помогали местным жителям и друг другу. Главной целью для них по-прежнему оставалась борьба с оккупантами.

Ключевые слова: партизанское движение, Великая Отечественная война, Брянский край, этика, моральные ценности, выживание.

O. N. Litvinova**Evolution of the Partisan Ethics in the Great Patriotic War
(on the sources of the Bryansk region)**

Evolution of the partisan ethics in the Bryansk region in the Great Patriotic War is analyzed in this article on the basis of archival sources. In wartime traditional moral values acquired different meanings. Partisan ethics was subordinated to the problem of survival in the occupied territories. It was allowed violating some moral principles. It was due to the fact that people were in extreme conditions. Accustomed Soviet government ceased to exist in fact. Therefore the guerrillas did not accept the code of conduct of the Soviet man, imposed by the central leadership of the partisan movement. They had their own ideas about the Soviet way of life. They wanted to be more free both in public and in personal relationships. The ideas of cowardice and betrayal, good and bad, marriage and the family and other moral categories were changed. The partisans kept certain moral principles, such as mercy and compassion, helping local residents and each other despite the war obduracy. The main guerrilla aim was to fight against the occupationists.

Keywords: partisan movement, the Great Patriotic War, the Bryansk region, ethics, moral values, survival.

В экстремальных ситуациях представления человека о нравственных ценностях нередко претерпевают существенные изменения. То, что вчера казалось недопустимым ни при каких обстоятельствах, в условиях ежедневной борьбы за выживание становится приемлемым. Одной из таких ситуаций является война. Этика военного времени существенно отличается от мирной повседневности. Без изучения происходящих изменений очень трудно понять, что помогло людям выстоять в тяжелейших условиях. Вдвойне сложнее было тем, кто оказался на оккупированных врагом территориях, где традиционные ценности были поставлены под сомнение новыми властями. Многие из этих людей не только не сломались, но и вступили в борьбу с оккупантами. Одним из наиболее активных регионов, оказавших сопротивление врагу, был Брянский край, жители которого провели в оккупации три страшных года. В этот период морально-

нравственные ценности прошли определенную эволюцию, которая находится в центре внимания данной статьи.

Оккупация оказалась достаточно неожиданной для жителей Брянщины. Долгие годы в сознание советских людей вкладывалась идея о том, что Красная армия будет громить врага на чужой территории. Осенью 1941 г. регион интенсивно укреплялся, но уже в октябре Брянск был захвачен. Это так сильно испугало людей, что даже «отдельные коммунисты бросились в панику, увидя вероломную немецкую армию» [6, д. 44, л. 94]. Страх сменился глубоким разочарованием. Люди считали, что в начале войны их попросту продали [6, д. 6, л. 150–151]. Гражданские обвиняли Красную армию в неудачах: «Мы строили укрепления, рыли окопы, рвы... и все это оказалось напрасным. Ни один красноармеец в наши окопы и рвы даже оправиться не зашел: все прошло мимо, лесом...» [1, с. 138]. Впрочем, сто-

ит отметить, что определенная подготовительная работа к оккупации проводилась [3]. Но она в основном коснулась только узких советских и партийных кругов и работников НКВД, проходила секретно и в ограниченном масштабе. Большинство же населения было разочаровано и боялось за свое дальнейшее существование. Работникам НКВД в партизанских отрядах удалось зафиксировать высказывания отдельных бойцов: «Победу от Красной Армии и от Сталина не ожидать. Другое дело немцы, они имеют успех», «Немцев теперь не побьем, они заняли много нашей земли и такую силу нам не победить» [6, д. 52, л. 261–284]; «Как мы будем жить разутые, раздетые. Неужели еще долго придется сидеть в лесу...» [6, д. 49, л. 120]. Началась длительная борьба за выживание.

Способы выживания были разные: кто-то смирился с оккупацией, кто-то бежал в отдаленные деревни и леса, надеясь переждать эти события. Например, лейтенант Власов, заместитель командира отряда им. Щорса, до весны 1942 г. «скрывался, как говорилось в той местности, “в приймах” у одной молодой вдовы в селе Уты. В Утах он стал хозяином дома, крестьянствовал...» [1, с. 159]. Но многие граждане, несмотря на то, что в новых условиях было трудно понять, где свои, а где чужие, приняли решение бороться с оккупантами и стали создавать отряды, не имея реального опыта партизанской борьбы. Советская власть, которая была своей для большинства населения, фактически перестала существовать, разбежалась, не вступая в бой [5, с. 60–65, 69], а «партийно-советский актив распался кто-куда» [6, д. 57, л. 108]. Однако новые власти не стремились удовлетворить чаяний оккупированных людей и перед ними встала задача выживания. Враг хотел использовать занятые территории для снабжения немецкой армии за счет местного населения. Таким образом, сражаясь за свое существование, партизаны срывали планы оккупантов, помогая Красной армии, но это было вызвано не столько борьбой за советские этические идеалы, сколько стремлением выжить.

Люди оказались в неожиданной ситуации, поэтому трусость в первый период войны не считалась безусловно негативным явлением. В документах брянского партизанского движения осени 1941 – начала 1942 г. очень трудно найти приказы о расстрелах за дезертирство, пособничество оккупантам, малодушие в бою и другие проступки. Это было связано с тем, что первые отряды формировались добровольно и имели довольно раз-

мытый характер, люди достаточно свободно присоединялись к партизанам и уходили от них. Отдельные военнослужащие создавали партизанские подразделения по военному образцу, но в большинстве отрядов не было строгой субординации и дисциплины. Один из активных участников партизанской борьбы В. Андреев так описывал атмосферу своего отряда: «По форме и по существу мы представляли собой случайную группу, члены которой являлись равными между собой во всех отношениях. В соответствии с этим существовала и форма обращения одного к другому: Ваня, Вася, Гриша и т. д., лишь старших по возрасту и по положению звали по имени-отчеству» [1, с. 142].

В начальный период войны партизаны, как правило, не отличались аморальным поведением. Большинство бойцов составляло местное население, поддержка которого была основой всего партизанского движения. Партизаны и местные старались помогать друг другу. Отдельные случаи аморального поведения встречались среди военнослужащих-окруженцев. Некоторые из них грабили людей и хотели «пожить вволю» [1, с. 100–101].

Ситуация изменилась весной 1942 г., что было связано с целым рядом процессов. Партизаны истощили имевшиеся у них запасы и перешли к более активным действиям по добыче необходимого у врага. В свою очередь, немецкое командование стало уделять большее внимание борьбе с народными мстителями. В ходе карательных операций партизаны вытеснялись с мест постоянной дислокации на территории, где не имели устойчивых связей с местным населением. В условиях постоянных боев не всегда хватало времени установить новые контакты, поэтому вне своих районов бойцы могли прибегать к насильственным действиям. Так, в мае 1942 г. «Яковский отряд Трубчевского района и Урученский отряд Выгонического района... были в поселке Усошки Почепского района, где отобрали у населения 20 коров... Это послужило к тому, что население этого поселка ушло от партизан в леса, а немцы, использовав этот факт, вооружили население против партизан. Подобные и другие факты имели место и в других отрядах» [6, д. 45, л. 65]. В это же время отряд Героя Советского Союза Сабурова и два других Харьковских отряда, находясь на территории Суземского района Орловской области, «систематически занимались мародерством, незаконными обысками и изъятием собственных вещей у населения», а

по распоряжению самого Сабурова «были зверски расстреляны учительница Черненской начальной средней школы Суземского района, она же секретарь комсомольской организации и ее две сестры и двухлетний ребенок» [6, д. 4, л. 53]. Возможно, такие жестокие меры были наказанием за сотрудничество с оккупантами. В Ленинском поселке восемь партизан из отряда им. Котовского избили прикладами гражданку Снытко, чьи родственники были партизанами и бойцами Красной армии. В историографии подобные факты объяснялись недостаточной политической работой [4, с. 47]. Но причина здесь скорее в региональных настроениях. Харьковские отряды, пришедшие с Украины, позволяли себе аморальные поступки на территории Брянского края, но и брянские отряды (им. Котовского, Яковский и Урученский) нарушали кодекс поведения не в своих районах Брянщины. Партизаны из разных регионов, не обладая достаточной информацией о положении на других территориях, не всегда относились с должным уважением к семьям друг друга и могли грабить население. Любопытно, что по отношению к жителям своих районов партизаны могли быть вполне толерантными, несмотря на связь отдельных людей с фашистами. Например, к гражданке села Ямное Барсуковой, которая выдавала немцам партизанских активистов и вела антигосударственную агитацию, не было предпринято никаких мер, поскольку на ее иждивении находились двое детей [6, д. 244, л. 30].

В тяжелых военных условиях, когда предметов первой необходимости не хватало, определенные партизанские отряды по соглашению с местными жителями имели свои базы снабжения в конкретных деревнях, защищая их от грабежа немцев, пособников оккупантов и от поборов других партизан. Так, когда партизанский отряд им. Ворошилова проходил по селу Смелиж и некоторые бойцы занялись мародерством, заместитель политрука местного отряда самообороны, сопровождаемый десятком селян, заявил: «Я вызову Харьковский отряд, и мы с ними повоюем», за что был разоружен командиром ворошиловцев [6, д. 4, л. 1–3]. Командир партизанского отряда им. Лазо избил партизана Навлинского отряда за то, что тот проводил с разрешения своего командования заготовку продуктов для семьи в деревне Никольское [6, д. 4, л. 53]. Этот населенный пункт считался продовольственной базой отрядов Выгоничского района, и партизан с других территорий туда не пускали. Таким образом, пар-

тизанская этика нередко зависела от региональных настроений.

В то же время у партизан появилась возможность придать легитимность отдельным аморальным действиям, поскольку оккупанты стали более активно использовать полицию из местных жителей. В ответ партизаны стали расстреливать коллаборационистов и перераспределять их имущество среди мирного населения. Так, отряд им. К. Е. Ворошилова сообщал: «Весь гарнцевый сбор нашим распоряжением роздан семьям красноармейцев, нетрудоспособным колхозникам и колхозникам, которых ограбили немецкие бандиты... В селе Туранка разогнана полиция, пристав Голдобин – сбежал, имущество его конфисковано, изъяты все документы... В селе Родионовка захвачен склад пшеницы, которая роздана колхозникам... Расстрелян кулак Кандыба А. С. – шпион немецкой разведки и его семья с конфискацией имущества...» [6, д. 45, л. 89–94]. Конечно, партизаны в данном случае поступили жестоко, наказав и семью предателя, но и немцы, и полицейские грабили и расстреливали семьи тех, кто сотрудничал с народными мстителями, поэтому ожесточение было взаимным. Однако нацисты не делились имуществом с людьми, а устраивали большие расправы над невинными, чем вызывали у людей не только страх, но и сочувствие к партизанам.

Внимание борьбе в тылу врага стало уделять и советское руководство. В мае – июне 1942 г. были организованы Центральный и Брянский штабы партизанского движения. Деятельность бойцов стала контролироваться, в отрядах создавались политические службы и ячейки НКВД, которые вели идеологическую обработку и старались привить партизанам субординацию и воинскую дисциплину. Им навязывался моральный кодекс поведения советского человека, безусловно преданного партии и системе. Однако партизаны имели свои представления о советском образе жизни. Советская власть, которая восставлялась в освобожденных от немцев партизанских краях и зонах, отличалась по содержанию от существующей сталинской системы. Она характеризовалась большей демократичностью и достаточно вольными порядками: была разрешена частная торговля, многоженство, процветало самогонварение, отсутствовал классовый подход. Например, начальник штаба отряда им. Щорса «неоднократно выписывал из партизанской базы муки прямо с указанием на самогон», и его примеру последовали отдельные бой-

цы [6, д. 6, л. 136]. Партизан Троснянского отряда очень возмущался: «Почему мне запрещают иметь третью жену, а командирам можно?» [6, д. 49, л. 120]. На руководящих должностях в партизанских краях могли оказаться неугодные советской власти элементы. В частности, группу самообороны села Смелиж, важнейшего населенного пункта, где находился партизанский аэродром, возглавлял сын кулака [6, д. 4, л. 3]. В новых условиях оккупации жители Брянщины воспроизводили советские формы организации повседневной жизни, но наполняли их иным, нетипичным, содержанием. Все это отражалось на этических ценностях партизан, меняло их представления, способствовало созданию определенной партизанской воли.

Советские органы власти называли подобные явления факторами морального разложения и боролись с ними. Но у партизанских лидеров, выдвинувшихся на первых этапах борьбы, были свои взгляды на жизнь. Поэтому между местными партизанами и представителями центральной власти существовало недопонимание по отдельным вопросам. Например, партизаны не считали важным соблюдать воинскую дисциплину. И если военные и работники госбезопасности могли сурово наказать бойцов за проступки, то партизанское общество и командиры, как выразители его интересов, старались их защитить. Например, в одном из приказов по оперативно-чекистским отделам отрядов Орловской области осуждалось, что «бывший командир Суземского отряда Паничев без оснований освободил из-под стражи арестованного за принадлежность к немецкой разведке. Командир отряда Сенченко без ведома начальника опер. чекистского отделения освободил из-под стражи арестованного Джигитова...» [6, д. 28, л. 41]. Видимо, партизанские командиры спасали невинных, по их мнению, людей. Партизаны, совершившие проступки, опасаясь наказания, старались уйти «к своим». Например, «Чибирик Н. К., будучи часовым, уснул на посту. Боясь расстрела, Чибирик решил самовольно уйти из отряда и перейти в свой местный Хильчанский отряд... То же самое совершил боец этого же батальона Юрченко» [6, д. 44, л. 73–81]. В ряде документов прослеживается различие в организации жизни и наказании за ее нарушение. Так, в партизанском отряде военнослужащих имени Ворошилова № 2 боец Карпов за мародерство был расстрелян [6, д. 4, л. 2], в то время как к захвату отряда из местных жителей Выгоничского района Амеликину за расхищение парти-

занского имущества не было предпринято никаких мер [6, д. 6, л. 136]. В документах есть и прямые указания на разногласия между гражданскими и военнослужащими. Командир отряда им. Ворошилова 11 мая 1942 г. доносил, что «партизанский отряд Хомутовского района в лице командира отряда лейтенанта Козлова и комиссара отряда Романенко стал на путь, не присущий советским партизанам... и продолжает вести антигосударственную агитацию о нецелесообразности находиться в партизанском отряде, имеющем в своем большинстве военнослужащих» [6, д. 213, л. 22]. Объединения местных патриотов не стремились подчиняться военной организации и хотели сохранить свои более вольные порядки.

Отдельные партизаны и полиция были выходцами из одной местности, прекрасно знали друг друга, а потому были случаи перехода партизан в полицию и обратно. В августе 1942 г. из партизанского отряда им. Димитрова в одном из боев на сторону противника перешли 9 человек [6, д. 45, л. 150–159]. Замполит партизанского отряда им. Кирова Каменец в октябре 1942 г., когда его отряд находился в тяжелом положении, заявил бойцам: «Можете идти в полицию», и в результате перешло более 20 человек [6, д. 45, л. 270]. Такие случаи не были единичными. В одном из докладов лета 1942 г. приводились следующие цифры: «...в июле месяце... из Суземских партизанских отрядов дезертировало более 300 человек. Трубчевских партизанских отрядов – (по неточным данным) 60 человек. Выгонических партизанских отрядов – 30 человек и перешло на сторону врага по всем отрядам с оружием 117 человек» [6, д. 45, л. 135–145]. По документам можно проследить, что переход на сторону противника был вполне обычным явлением. Например, из партизанских отрядов Выгонического района за июнь 1942 г. на сторону полиции ушло более 20 человек, в том числе и коммунисты [6, д. 6, л. 135–138], а в июле – уже около 30 партизан [6, д. 4, л. 53–54]. За октябрь из этих же отрядов перешло к врагу или дезертировало 62 человека [6, д. 52, л. 261–284]. Однако существовала и обратная тенденция – переход немецких пособников к партизанам. Так, в одном из приказов Брянского штаба партизанского движения по отрядам Выгонического района за август 1942 г. прямо говорилось о том, что «они имеют большую засоренность морально неустойчивыми, а подчас и чуждыми людьми...» [6, д. 44, л. 48–49], то есть теми, кто раньше сражал-

ся на стороне оккупантов. Особенно массовым переход на сторону партизан был в 1943 г. Так, в докладе о боевой деятельности Клетнянского партизанского отряда, составленном в сентябре 1943 г., отмечалось: «В последнее время пополнение отряда шло, главным образом, за счет власовцев и полицейских» [6, д. 57, л. 204]. Переходы во многом зависели от военных успехов Красной армии и активности самих партизан, их бытового положения, а также от отношения немцев к вспомогательным частям. Ухудшение обеспечения вело к падению боевого духа, колебаниям. Например, партизан Кельман неоднократно вел разговоры с бойцами: «В полиции дают яйца, масло, мед, спирт и табак, а у нас здесь нет никаких привилегий, при первой удобной операции обязательно убегу к своим, то есть к полицейским» [6, д. 244, л. 29–30].

Все это вело к тому, что стиралось представление о предательстве. Переход на сторону врага не всегда считался таковым, особенно если человек не запятнал себя в карательных операциях и не выдал местонахождения отряда. Но, как правило, в жестокостях были замечены полицаи, которые набирались в других регионах. Местные же обычно использовались в охране и старались избегать карательных действий. Не случайно немцы, опасаясь переходов, летом 1943 г. перебросили коллаборационистскую Русскую освободительную народную армию Локотского района Брянщины в Белоруссию [2, с. 104].

В условиях войны менялись и представления об отношениях мужчины и женщины. С одной стороны, сохранялся традиционный брак и партизаны очень дорожили своими семьями. С другой – были возможны и вольные полигамные отношения, существовали так называемые *походные партизанские жены*, особенно в рядах командного состава. Например, командир объединенных партизанских отрядов Выгоничского района сожительствовал с двумя гражданками, от него не отставали секретарь райкома ВКП(б) и завхоз этих отрядов [6, д. 6, л. 136]. В то же время партизаны стремились избежать появления детей. Так, в партизанском отряде им. Ворошилова в сентябре 1942 г. командир издал следующий приказ: «...партизанка Паренчик Рима Максимовна была мною лично предупреждена о недопустимости беременности в условиях партизанского отряда, так как рожать в наших условиях нельзя. Последняя приказание не выполнила и забеременела... После этого тов. Паренчик лично мною была предупреждена – сделать аборт, от

чего отказалась и мое приказание не выполнила вторично... За двукратное невыполнение моего приказа партизанку Паренчик Р. М. из отряда уволить с сего числа и исключить со всех видов довольствия...» [6, д. 52, л. 276]. Такое отношение было связано с тяжелой и неопределенной ситуацией на оккупированных территориях, что подвергало эволюции традиционные семейные ценности в военных условиях.

Несмотря на войну, по-прежнему сохранялись определенные моральные устои, такие как милосердие и сострадание. Партизанские отряды оказывали помощь местным жителям, делились с ними тем, что отняли у немцев. А местные помогали партизанам, что, например, отмечали жители села Смелиж: «...от партизан мы никогда не бегали и не собираемся бегать, а наоборот, бейте гитлеровских мерзавцев, мы вам всегда поможем любыми продуктами питания и людьми» [6, д. 4, л. 3]. Существовала и партизанская взаимовыручка, когда отряды помогали друг другу в трудной ситуации.

В целом, даже в условиях военной повседневности этика партизан сохраняла основные фундаментальные понятия о совести, чести, долге, но суровые условия борьбы приводили к ожесточению. Важнейшим фактором, влиявшим на партизанскую этику, были региональные настроения. Многие партизаны Брянщины сражались не столько за страну и Сталина, сколько за малую родину, стремились защитить своих родных и близких, а потому могли совершать неэтичные поступки ради их выживания, ущемлять права других. Отдельные бойцы отказывались придавать идейный характер своей борьбе, навязываемый советскими органами, предпочитали свободу и вольные порядки. Происходило изменение традиционных представлений о семейных отношениях, добре и зле, храбрости и трусости и др. Люди в оккупации вынуждены были бороться за выживание, чем и объясняется эволюция партизанской этики в сторону регионального патриотизма.

Библиографический список

1. Андреев, В. А. Народная война [Текст] / В. Андреев – Л. : Лениздат, 1961. – 407 с.
2. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 [Текст] / Б. Н. Ковалев – М. : Аст : Транзиткнига, 2004. – 486 с.
3. Литвинова, О. Н. Органы НКВД в формировании и развитии партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны [Текст] / О. Н. Литвинова // Известия Российского

государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Аспирантские тетради: Научный журнал. – 2007. – № 20(49) – С. 90–93.

4. Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Воен.-ист. очерк [Текст] / Н. Ф. Азяский, М. С. Долгий, А. С. Князьков и др. ; под общ. ред. В. А. Золотарева; Жуковский – М. : Кучково поле, 2001. – 464 с.

5. Партизаны Брянщины [Текст]: сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны / сост. З. А. Петрова, А. И. Ткаченко, И. И. Фишман. – 2-е изд., испр. и доп. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 488 с.

6. ЦНИ ГАБО – Ф. 1650. – Оп. 1.

Bibliograficheskii spisok

1. Andreev, V. A. Narodnaia voina [Текст] / V. Andreev – L. : Lenizdat, 1961. – 407 s.

2. Kovalev, B. N. Natsistskaia okkupatsiia i kollaboratsionizm v Rossii 1941–1944 [Текст] / B. N. Kovalev – M. : Ast : Tranzitkniga, 2004. – 486 s.

3. Litvinova, O. N. Organy NKVD v formirovanii i razvitii partizanskogo dvizheniia na Brianshchine v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Текст] / O. N. Litvinova // Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena: Aspirantskie tetrad: Nauchnyi zhurnal. – 2007. – № 20(49) – S. 90–93.

4. Partizanskoe dvizhenie: Po opytu Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Voen.-ist. ocherk [Текст] / N. F. Aziasskii, M. S. Dolgii, A. S. Kniaz'kov i dr. ; pod obshch. red. V. A. Zolotareva; Zhukovskii – M. : Kuchkovo pole, 2001. – 464 s.

5. Partizany Brianshchiny [Текст]: sbornik dokumentov i materialov o Brianskom partizanskom krae v gody Velikoi Otechestvennoi voiny / sost. Z. A. Petrova, A. I. Tkachenko, I. I. Fishman. – 2-е изд., испр. и доп. – Тула : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. – 488 s.

6. TsNI GABO – F. 1650. – Op. 1.